

Жун Чжао пока не знал, какие коварные планы зреют в голове его верного скакуна. Получив известие из игорного дома о том, что Чжу Цзычжэнь снова спустил там целое состояние, князь Ли лишь холодно обронил:

— Пора заканчивать.

— Больше нет смысла следить за Чжу Цзычжэнем. Переключите всё внимание на госпожу Ху и поместье министра. Найдите удобный момент, чтобы вся эта история всплыла на свет.

— Разве вы не говорили, что та женщина жестоко обошлась с несколькими слугами, выбивая из них признания? Попробуйте сделать так, чтобы эти люди при первой возможности вцепились в глотку своей госпоже, — бесстрастно добавил Жун Чжао.

Закончив с этим делом, он велел Фан Цзяню отправить весточку своим людям на северо-запад:

— Пусть разузнают, нет ли в тех краях рудников, описание которых я дам.

— И ещё... присмотритесь, нет ли у кочевников на западе или севере скакунов получше Люэин.

— Что? — помощник принял из рук князя несколько листов бумаги, но, не успев даже взглянуть на описание рудников, замер, поражённый последней фразой.

— Ванъе, неужели вы решили избавиться от Люэин? — в ужасе воскликнул он. — Это... это уже чересчур. Не стоит...

Фан Цзянь тоже слышал о том, что Люэин сегодня проявил строптивость и едва не навлёк беду, но считал, что жеребец вовсе не заслужил такой участи.

— Люэин, быть может, и своенравен, но вы единственный, кто может его обуздать. Он столько лет следовал за вами, столько раз выручал в бою... Такого коня днём с огнём не сыщешь! — горячо убеждал он. — Лошадь, которая была бы лучше него, можно не встретить и за двадцать лет. Зачем же из-за досадной мелочи искать невесть что за тридевять земель?

Жун Чжао посмотрел на разошедшегося собеседника и ледяным тоном оборвал его:

— Кто сказал, что я собираюсь менять своего скакуна?

Фан Цзянь осекся:

— Тогда зачем...

— Это для Ванфэй, — невозмутимо пояснил князь.

Фан Цзянь: «...»

«Искать скакуна лучше Люэин для Чжу Цзылина? Да это же преступное расточительство!»

Глядя на своего господина, помощник впервые подумал, что тот, кем он так восхищался, кажется, совершенно лишился рассудка.

— Для Ванфэй больше подошла бы лошадь поспокойнее, не находят ли Ваше Высочество? — с трудом подбирая слова, проговорил он. — Такой норов, как у Люэин, юноше явно не под силу.

Жун Чжао на мгновение задумался и кивнул:

— Ты прав, пожалуй, не подойдёт.

Фан Цзянь облегчённо вздохнул, решив, что рассудок князя наконец-то прояснился. Но Жун Чжао продолжил:

— Такого, как Люэин, действительно трудно укротить. Поэтому нужно найти коня, который по силе и стати не уступал бы ему, но обладал бы кротким нравом.

— И ещё — он не должен быть слишком высоким, иначе супругу будет неудобно садиться в седло, — добавил он, вспомнив что-то. — Ищи лошадь пониже Люэин.

Фан Цзянь: «...»

— Ваше Высочество, где же в подлунном мире найти такое чудо?

Чтобы и ростом пониже, и бегал не медленнее длинноногих жеребцов, и при такой мощи был послушен как ягнёнок? Да это же издевательство над природой! С каких это пор князь Ли, никогда не строивший воздушных замков, стал таким неисправимым мечтателем?

Не обращая внимания на немой протест подчинённого, Жун Чжао небрежно бросил:

— Пусть просто смотрят в оба. А вдруг повезёт.

Фан Цзянь, чьё лицо за это время сменило несколько оттенков, вынужден был подчиниться и

уйти. Но на душе у него было беспокойно.

Раньше слова Ли Мингу о том, что Ванфэй дурно влияет на князя, казались ему преувеличением. Но теперь он всерьёз заволновался.

«Не напустил ли Чжу Цзылин на Жун Чжао какой-нибудь морок?»

Впрочем, Фан Цзянь по-прежнему верил в своего господина и не спешил с окончательными выводами. Помятуя о прошлом уроке, он решил продолжить наблюдение.

Чжу Цзылин ничего не знал о проклятиях, зато не понаслышке был знаком со своим вечным спутником — волчьим аппетитом. Почувствовав, что вид Жун Чжао пробудил в нём нешуточный голод, он, едва покинув конюшни, поспешил напрямик на кухню.

— Ванфэй, вы пришли? — Дэн Жун, завидев юношу, расплылся в улыбке, словно перед ним предстал бог богатства. — Неужели сегодня вы снова научите нас какому-нибудь диковинному блюду?

Цзылин пришёл просто чем-нибудь подкрепиться, но, услышав вопрос повара, немного подумал и кивнул:

— Тогда приготовим что-нибудь простое.

Раз уж вид Жун Чжао пробудил в нём такую тягу к мясу, Ванфэй решил приготовить одно из самых популярных блюд будущего — хрустящую жареную курицу.

Это было сытно, вкусно и невероятно просто. Сочетание сочного мяса и золотистой, пропитанной маслом корочки было искушением, перед которым мало кто мог устоять. Неудивительно, что даже спустя столетия это блюдо, несмотря на всю свою вредность, оставалось излюбленным лакомством.

Название «жареная курица» звучало слишком обыденно и просто, но повара, уже знавшие, что за простыми словами Ванфэй всегда скрывается нечто божественное, не разочаровались. Они с замиранием сердца ждали, когда он откроет им секрет приготовления.

Цзылин велел отобрать несколько молодых и нежных петушков. Ножки, крылышки и грудку замариновали в смеси зиры, перца и той самой острой горчичной пудры, что он сделал ранее.

Ему не терпелось попробовать результат, поэтому он не стал долго ждать, пока мясо пропитается специями. Велев поварам хорошенько размять куски курицы руками, он решил, что этого достаточно. Затем каждый кусочек обваляли в муке, окунули в яичную смесь и, наконец, покрыли слоем крошки.

В Великую Ци ещё не завезли панировочные сухари, но Цзылин нашёл выход: он приказал нарезать чёрствыи маньтоу, подсушить их до хруста и растолочь в крошку.

Окутанные этой панировкой, куски курицы стали выглядеть пухлыми и белыми. Пока в них было трудно узнать будущий деликатес.

Затем настала очередь кипящего масла.

Курицу опускали в раскалённый казан и обжаривали до золотистого цвета. Сначала мясо схватывалось корочкой, затем его вынимали, давали немного остыть и отправляли обратно в масло — на этот раз до полной готовности. Такая двойная обжарка позволяла добиться идеального результата: хрустящей оболочки и нежнейшей, тающей во рту мякоти.

Панировка из маньтоу превзошла все ожидания — крошки не осыпались, приобретая аппетитный золотистый оттенок. Ещё до того, как первую партию вынули из масла, по кухне разлился такой умопомрачительный аромат, что у всех присутствующих невольно потекли слюнки.

Едва первая порция немного остыла, Цзылин не выдержал и, схватив крылышко, принялся за еду.

Корочка была невероятно хрустящей и ароматной, а под ней скрывалось сочное, нежное и удивительно податливое мясо. Для блюда выбрали самых молодых петушков, поэтому курица была не только мягкой, но и имела приятный сладковатый привкус, лишённый малейшего намёка на специфический запах. Острые и пряные нотки маринада под действием высокой температуры глубоко проникли в волокна мяса. Это сочетание обжигающей остроты, сочной нежности и жирной хрустящей корочки стало настоящим праздником для вкусовых рецепторов.

Не обращая внимания на то, что мясо ещё обжигает пальцы, Цзылин быстро расправился с крылышком.

— Вкусно. Получилось идеально, — вынес он вердикт, глядя на поваров, которые не сводили с него глаз. Подхватив следом сочную ножку, он продолжил свою трапезу.

Услышав похвалу Ванфэй, повара тут же принялись за вторую партию, а остальные слуги поспешили попробовать по кусочку. Первый же укус вызвал у них искреннее изумление. Кто бы мог подумать, что обычная курица и маньтоу могут дать такой потрясающий эффект!

Блюдо не отличалось изысканностью формы, но вкус был выше всяких похвал.

И ведь всё так просто! Почему же им самим это не пришло в голову? Откуда только Ванфэй берёт все эти удивительные идеи!

Уплетая куриную ножку, Цзылин наконец почувствовал, как странный голод отступает. Он невольно вспомнил мускулистое предплечье Жун Чжао и сравнил его с тем, что ел сейчас. Определённо, куриная ножка была куда аппетитнее.

«Верно, я просто проголодался, а долгое воздержание от использования способностей сыграло со мной злую шутку»

Теперь Цзылин был в этом совершенно уверен.

В Великой Ци куры росли не так быстро, как в будущем, да и для этого блюда требовались только молодые птицы, поэтому угощения получилось не так уж много. Слугам досталось лишь по кусочку грудки.

Цзылин же в один присест справился с двумя парами ножек и крыльев. Утолив первый голод, он велел пожарить порцию с менее острыми специями и отнести её Жун Чжао.

Князь, чья попытка подарить супругу лошадь провалилась, был слегка удивлён, узнав, что Цзылин прислал ему угощение. Вот только эта жареная курица выглядела не слишком пристойно для стола принца.

Жун Чжао какое-то время смотрел на золотистые куски мяса, источающие дразнящий аромат, а затем, слегка нахмурившись, спросил:

— Ванфэй забыл принести палочки?

Цзылин осекся, а затем не удержался от смешка:

— Зачем здесь палочки? Такое нужно есть прямо руками!

В этом же вся суть жареной курицы!

«...»

Жун Чжао долго молчал, глядя на серьёзное лицо супруга, но в конце концов нехотя протянул руку.

Золотистая, пухлая куриная ножка в его длинных пальцах казалась чем-то инородным, а сама рука на её фоне выглядела ещё более аристократичной и бледной.

Помедлив мгновение перед этим сомнительным деликатесом, князь Ли всё же откусил кусочек. Даже в этот момент он сохранял безупречное изящество — несмотря на то, что ему

приходилось грызть кость, в его движениях не было ни капли вульгарности.

Цзылин не сводил глаз с куриной ножки в руках мужа. Хотя Жун Чжао ел очень аккуратно, его тонкие губы после сочного мяса покрылись лёгким блеском масла, став удивительно мягкими и влажными на вид.

Взгляд юноши замер на губах Жун Чжао, и сердце его вдруг пустилось вскачь.

Странно. Неужели он снова проголодался?!

Цзылин застыл, не отрывая взгляда от лица мужа. Жун Чжао, решив, что юноша ждёт его оценки, проглотил кусочек и произнес:

— Вкус неплох, но блюдо слишком жирное.

Немного помолчав, он добавил:

— Впредь Ванфэй не стоит утруждать себя приготовлением подобного для меня.

Цзылин пришёл в себя. Слова князя его немного удивили.

Он и раньше догадывался, что такая еда не придётся Жун Чжао по вкусу, и принёс её лишь по привычке, чтобы оказать внимание. Обычно князь Ли в таких случаях просто брезгливо морщился и жаловался на избыток масла — Цзылин был готов именно к такой реакции. Но на этот раз супруг даже похвалил вкус и заговорил куда вежливее, чем прежде.

Что это с ним?

Пока Цзылин недоумевал, сам князь даже не заметил перемены в своём поведении. Увидев замешательство на лице юноши, он слегка приподнял бровь:

— Что-то не так?

Внимание Цзылина снова переключилось на его губы, и странное томление в груди вспыхнуло с новой силой. Неужели он всё-таки не наелся?

Взглянув на куриную ножку, от которой князь Ли откусил лишь раз, юноша не выдержал:

— Раз Вашему Высочеству не нравится, можно я её доем?

«Определённо, я просто хочу курицу! А вовсе не князя!»

Если он сейчас съест эту ножку, всё наверняка пройдёт.

Цзылин спросил это, не подумав о приличиях. Раз Жун Чжао не любит жирное, то будет только справедливо избавить его от этого мучения. Но князь внезапно замер и посмотрел на супруга очень странным, нечитаемым взглядом.

— Ванфэй хочет доесть то, что я держу в руках?

Цзылин закивал:

— Да, раз вам не по вкусу, отдайте мне. Зачем заставлять себя?

«...»

Взгляд Жун Чжао стал глубоким и тёмным. Он долго не сводил глаз с Цзылина, а затем очень низким голосом произнёс:

— Что ж, тогда забирай.

Князь протянул ему куриную ножку. Он ожидал, что юноша возьмёт её в руки, но тот даже не пошевелился. Вместо этого Цзылин просто наклонился и, придерживая руку князя своей, откусил огромный кусок прямо у него из пальцев.

Жун Чжао застыл как изваяние. Его первым порывом было отдернуть руку, но едва он шевельнулся, юноша, который до этого ленился даже пальцем шевельнуть, среагировал мгновенно.словно повинаясь инстинкту, он крепко вцепился в предплечье князя, не давая лакомому кусочку ускользнуть.

Жун Чжао окаменел. Его взгляд, устремлённый на юношу, стал тяжёлым и полным скрытого напряжения, в котором бушевал целый вихрь неясных чувств. Но он больше не пытался отстраниться, позволяя Цзылину удерживать свою руку и один за другим откусывать кусочки от куриной ножки.

Когда Ванфэй расправился с первой стороной, Жун Чжао — то ли случайно, то ли намеренно — повернул ножку так, что перед губами юноши оказался именно тот край, который кусал сам князь.

Цзылин не заметил подвоха и спокойно продолжил трапезу.

Наблюдая за тем, как губы и язык юноши касаются того же места, к которому мгновение назад прикасался он сам, Жун Чжао внешне оставался бесстрастным. Однако он невольно сжал губы, а когда Цзылин отвернулся, его кадык тяжело дёрнулся.

К счастью, Цзылин был слишком увлечён едой и ничего не заметил. Расправившись с подношением, он ожидал, что чувство голода и странное влечение исчезнут. Но когда от ножки осталась лишь голая кость, он поймал себя на мысли, что хочет коснуться губами пальцев Жун Чжао, сжимающих её.

Нет... не укусить, а скорее... прижаться, ощутить их вкус...

В голове юноши воцарился полный хаос. Чтобы прийти в себя, он попытался представить, как впивается зубами в руку князя, словно в ту самую курицу...

Эта жуткая картина мгновенно привела его в чувство.

«Кажется, я всё-таки не хочу его есть. Слава богам»

С облегчением подумал он. Сейчас, когда у него была гора еды, он меньше всего желал обзавестись такими пугающими вкусовыми предпочтениями.

Скорее всего, его ментальная энергия действительно дала сбой и начала путать мысли. Цзылин больше не смел смотреть на Жун Чжао. Он твёрдо решил вернуться в свои покои и заняться медитацией. Нельзя больше пускать всё на самотёк и только и делать, что набивать живот.

— Если Ваше Высочество больше не желает, я заберу остальное с собой, — скороговоркой выпалил он и, подхватив блюдо с остатками курицы, поспешно ретировался.

Жун Чжао ещё долго смотрел вслед его суетливой фигуре, и взгляд его становился всё более задумчивым.

Простояв в тишине несколько минут, князь велел слугам принести воды. Омыв руки и тщательно вытерев их полотенцем, он опустил глаза на кончики своих пальцев, и перед его внутренним взором снова возникла недавняя сцена.

«Неуклюжий маленький хитрец»

«Решил использовать такой избитый приём, как совместная трапеза, чтобы подразнить меня... Но кто же ест так самозабвенно, даже не подняв глаз?»

Пока мысли Жун Чжао и Чжу Цзылина разлетались в диаметрально противоположных

направлениях, в игорном доме Чжу Цзычжэнь стоял ни жив ни мёртв, чувствуя, как холод сковывает его сердце.

— Молодой господин Чжу, на вашем счету уже двадцать тысяч лянов долга. Наше скромное заведение больше не может позволить себе давать вам в долг под честное слово. Быть может, вы сначала закроете этот счёт?

Служащий игорного дома говорил с вежливой улыбкой, но Цзычжэню она казалась оскалом хищника.

— Это невозможно! — выдохнул он, не веря своим ушам. — Как я мог проиграть столько за один вечер?!

Лицо служащего мгновенно похолодало:

— У нас всё записано, каждая ставка учтена. К тому же вы сами под каждой записью ставили свой отпечаток пальца. Что же, молодой господин решил пойти на попятную?

— Я... — Цзычжэнь растерялся. Он пришёл сюда, чтобы отыграть те семь тысяч, а в итоге незаметно для самого себя залез в ещё большую долговую яму.

— Дайте мне ещё один шанс! Один заём! Только один! — он вцепился в рукав служащего, глаза его горели лихорадочным блеском. — В следующей партии! Я всё верну в следующей партии!

— Я же сказал: мы люди маленькие, рисковать больше не можем. Мы и так пошли вам навстречу, позволив занять двадцать тысяч только из уважения к вашему имени. Обычно наш предел — десять тысяч.

— Но зная ваше положение и благородство, мы уверены: раз вы нашли семь тысяч, чтобы покрыть прошлый долг, то и эти двадцать тысяч для вас не станут проблемой, верно?

Чжу Цзычжэнь почувствовал, как земля уходит из-под ног. Он с таким трудом закрыл прошлую дыру, даже вещи ещё не успел выкупить, а теперь — двадцать тысяч! Что ему делать? Он надеялся сорвать куш, а в итоге лишь умножил свои беды.

«Знал бы, что сегодня такая непруха, пришёл бы в другой день!»

Цзычжэнь ещё пыривался вступить в игру, надеясь на чудо, но, помня о прошлом позоре, когда его едва не выставили за дверь, не решился настаивать. Подавленный и раздавленный бременем огромного долга, он покинул заведение. На этот раз он не смел даже заикнуться об этом матери. Он бесцельно бродил по улицам, боясь возвращаться в поместье министра.

Но долг нужно было отдавать. Либо во всём признаться отцу и просить его прижать этот притон властью... Но, вспоминая о Циньюй и о том, как отец когда-то наказал Цзылина плетью и запер в фамильном храме, он содрогался от ужаса. У него не хватало духу открыться.

Проскитавшись до самого вечера, Чжу Цзычжэнь решился на проверенный способ: снова тайком вынести вещи из семейной кладовой, заложить их и покрыть долг. Он надеялся скрыть это от госпожи Ху, но её бдительность, обострённая недавними событиями, не знала границ. Узнав, что сын снова ворует из дома, она пришла в ярость.

— Чжэнь-эр! Ты снова взялся за старое?! — супруга министра, которая обычно души в нём не чаяла, на этот раз не скрывала гнева. — Неужели ты не внял моим словам и снова пошёл в игорный дом?!

Сердце Цзычжэня забилося в пятках, но страх перед правдой был сильнее.

— Н-нет, матушка. Я не играл, честное слово!

— Тогда зачем тебе всё это? Разве я не дала тебе семь тысяч?! — она сверлила его суровым взглядом. — Опять решил заложить вещи и просадить деньги за столом?

— Нет! Я... я вовсе не за этим... я... — и тут в его голове вспыхнула спасительная ложь. Он поспешно заговорил: — Я хотел выкупить ваши золотые буюа и прочие украшения...

Госпожа Ху осеклась, нахмурившись:

— Но ведь у тебя были на это деньги?

— Матушка, вы и представить не можете, как этот ростовщик меня обманул! — Цзычжэнь, почувствовав, что ложь звучит убедительно, вошёл в кураж. — По правилам, плата за выкуп должна быть на две сотых выше суммы займа, но этот прохвост подsunул мне договор, где значится пять сотых!

— Когда я попытался спорить, они лишь посмеялись надо мной и заявили, что я обязан платить по их ставке! — он вспоминал свои настоящие обиды, и в его голосе зазвучало истинное негодование. — Я сказал им, кто мой отец, но им было плевать на имя министра ритуалов! Плата оказалась такой высокой, что моих денег просто не хватило...

Госпожа Ху слушала сына, и брови её сходились к переносице.

— Это правда? Этот лавочник намеренно обманул тебя, зная, чьих ты кровей?

— Чистая правда! — горячо воскликнул Цзычжэнь. — Если не верите, сходите сами. Вот и договор, где указано пять сотых.

Внимательно изучив бумагу, женщина была вынуждена поверить сыну. Пусть сумма вещей, которые он пытался украсть на этот раз, значительно превышала недостающие две тысячи лянов, она предпочла закрыть на это глаза.

— В этом договоре чётко прописано пять сотых. Как же ты подписал его, не глядя? — упрекнула она сына.

Цзычжэнь возмущённо вскинулся:

— Откуда я мог знать, что они решатся на такой обман! Они знали, кто я, и всё равно пошли на это... Быть может, это вообще заговор против отца!

— Если бы ты не проигрался и не побежал в ломбард тайком, никто бы не посмел на тебя посягнуть, даже желая досадить твоему отцу, — госпожа Ху с горечью посмотрела на него и тяжело вздохнула. — Об этом ни слова не должно дойти до твоего отца. Я сама схожу в этот ломбард и разберусь. Сделаем всё тихо, без лишнего шума.

Чтобы Чжу Жуйхун ничего не заподозрил, она сначала навела порядок в поместье, а на следующий день, не привлекая внимания, отправилась к ростовщику.

— Где хозяин? — спросила она, переступив порог в сопровождении верной служанки. — Хотелось бы узнать, как вы рассчитываете плату за выкуп вещей, заложенных менее трёх дней назад?

Лавочник, не удосужившись взглянуть на гостью, небрежно ответил:

— У нас всё по правилам: около двух сотых. А что, уважаемая госпожа желает что-то заложить?

Госпожа Ху холодно усмехнулась:

— Две сотых, говорите? Почему же тогда в договоре, подписанном в вашей лавке позавчера, значится пять сотых?

Лавочник замер, а затем медленно расплылся в улыбке:

— О... Так вы, должно быть, супруга министра Чжу?

Он ничуть не смутился, будучи пойманным на обмане. Напротив, в его голосе зазвучала наглая уверенность:

— Разве госпожа не слышала? Я сказал — около двух сотых. Бывает больше, бывает меньше. Всё зависит от того, что написано в договоре.

— Пять сотых — это, по-вашему, «около двух»? — лицо женщины потемнело.

— А почему бы и нет? Мы ведь не уточняли, насколько больше или меньше, верно?

Видя, что её намеренно водят за нос и не проявляют ни капли почтения, супруга министра едва сдерживала ярость:

— Значит, вы решили пойти против поместья министра и открыто грабить нас?

— Помилуйте, что вы такое говорите! — лавочник замахал руками. — Тот договор мы подписали с молодым господином Чжу по обоюдному согласию. Обвинять нас в грабеже сына министра — это слишком сурово для нашей скромной лавки. Мы такого позора не заслужили.

Госпожа Ху поняла, что этот человек не из тех, кто легко отступит. Тяжело вздохнув, она выдавила:

— Хорошо. Пусть будет пять сотых. Возвращайте вещи, я всё оплачу.

Она сделала знак служанке, и та достала пачку ассигнаций почти на шесть тысяч лянов. Но лавочник, взглянув на деньги, лишь усмехнулся и покачал головой:

— Нет.

Госпожа Ху вздрогнула, и взгляд её стал ледяным:

— Что это значит?! Я согласна на ваши грабительские пять сотых, а вы отказываетесь? Неужели вы и впрямь решили объявить мне войну?!

Но лавочник, ничуть не испугавшись, ответил с наглым спокойствием:

— Прошу вас, госпожа, не гневайтесь. Как я смею воевать с супругой министра? Просто вы немного опоздали. Пять сотых — это цена за выкуп в течение трёх дней. Но после трёх дней... условия меняются.

Он тонко улыбнулся:

— Посчитайте сами, госпожа: три дня уже миновали, не так ли? И согласно нашему договору, теперь сумма выкупа... должна вырасти как минимум вдвое!

<http://bllate.org/book/15829/1441430>